

Виктория Смирнова



ГЕН ЛЮБВИ

ФТМ

Виктория Дмитриевна Смирнова

Ген Любви

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63595493
ISBN 9785446735686

Аннотация

Следы человеческих преступлений ведут в мир религии и философии. С самого начала человечество постоянно нарушает данные ему заповеди. Столько тысячелетий прошло, но люди до сих пор несут на себе проклятие: не могут найти смысл жизни, постоянно воюют друг с другом, предают близких, убивают себе подобных ради своих не всегда понятных убеждений. Но однажды в осенний день в мире родились Они – те, кому даровано искупить первородный грех. Страшно ли оказаться Адамом? Страшно ли узнать, что ты – новая Ева? Истинное знание всегда мучительно, трагично, опасно, но и прекрасно, а испытания помогают героям осознать свое предназначение. Им суждено пройти через все этапы и найти Ген Любви, чтобы разгадать тайну преступления Адама и Евы и вернуть человечество к началу начал.

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	30
Глава 3	42
Глава 4	54
Глава 5	69
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Виктория Смирнова

Ген Любви

© Текст. Виктория Смирнова, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020



*Нет более богов, стал богом человек,
Но без любви сей бог – калека из калек.*

Артур Рембо

*Поэт говорит людям об их другой жизни,
которую они задушили в себе и о которой забыли...*

Эдит Ситуэлл

Часть первая

Пробуждение

...а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь...

Книга Бытия, 2:17

...и увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

Книга Бытия 3:6

Пролог

Одна половина Земли живет при солнечном свете, когда вторая половина – в темноте. Наши сны, мечты и поэзия умеют говорить и на языке ночи, и на языке света. То, что одни видят наяву днем, другие видят во сне, а еще одинаковые сны могут присниться незнакомым людям в одно и то же время, а когда они исполняются, мы внезапно вспоминаем о них.

Она не видела его лица – только кисть руки. Красивые длинные пальцы потянулись к ней и коснулись кулона на

шее. Она перевела взгляд на мужскую руку, а затем на его браслет. Сказать, что тот был красивым, – ничего не сказать. Это был великолепный образец мастерства древнего ювелира. Тот, кто создал его, явно вложил в браслет всю свою душу и любовь. Любовь? Она вздрогнула и проснулась. Ее билась дрожь, тело болело, а во рту пересохло. Она поднялась и на слабых ногах подошла к открытому окну. Стояла теплая летняя ночь, но ей показалось, что она находится где-то во льдах.

Он не видел ее лица, только тонкую шею с родинкой на левой стороне. Почему-то захотелось дотронуться до нее губами, но он знал, что это невозможно, потому что это только сон. Он отвлекся на кулон, который притягивал к себе внимание не меньше родинки. Он взял его и с интересом стал рассматривать. Кто создатель такой изумительной вещицы? Кулон явно имел художественную ценность и наверняка что-то значил – например, передавал всю силу любви. Любви? Он вздрогнул и проснулся. На улице ярко светило солнце и была середина дня, а он почему-то уснул днем. Чувство любви разбудило его. Он лежал с открытыми глазами и понимал, что рядом никого нет, он здесь один, мокрый от пота и со стойким ощущением, что сходит с ума.



Ева – Женщина и наставница. Она создана, чтобы да-

вать новую жизнь. В ней хранится и ею передается информация через равные промежутки времени. Хрупкая физически, но при этом обладает психологической выносливостью. Ее энергия может успокаивать, даже в тех случаях, когда сталкивается с болью и трудностями. Так работает ее геном, все эти атомы и молекулы так выстраивают ее ДНК для сохранения и передачи информации.

Ева-Женщина и есть Любовь. Если Адам-Мужчина привлекает Любовь в свою жизнь, то для Евы-Женщины Любовь становится самой жизнью. Истинная Любовь живет только в Еве, становясь огромной силой, объединяющей все и вся. Это Огонь, как в центре Земли. Именно такая Любовь должна быть у человечества. Есть еще одно и обязательное условие выживания – Любовь должна быть взаимной. Любовь – это то, в чем человечество нуждается больше всего.



Единица Наследственной Любви, а проще говоря – ГЕН ЛЮБВИ, периодически возрождается. Это постоянный, бесконечный цикл, и он будет снова и снова возрождаться, пока Ген не вернется к самым истокам – к себе изначальному. Этот цикл всегда пробуждается в девушке, как когда-то он зародился в Еве, а потом он пробудится в ее молодом человеке, как когда-то было с Адамом. Это был не плод, не яблоко, это был он – Ген Любви. Как родитель запрещает ре-

бенку, так и ей строго-настрого запретили приближаться к нему. Еве и Адаму нужно было чуточку подрасти и созреть. Но юные больше всего хотят получить то, что им запрещено. Даже ежечасная забота родителей не может защитить детей от самих себя. Ева увидела его в саду мироздания. По дереву змеей вилась цепь, она сверкала и манила к себе. Ева протянула руку. Но стоило ей дотронуться до цепи, как ее пробила дрожь странного предвкушения счастья, в животе взлетел целый рой бабочек, и тогда она познала ЛЮБОВЬ. Когда Ева сорвала его, Ген Любви не был готов, как и сама она. Цепь порвалась, и остался лишь кусок незавершенной программы, а большая часть информации оказалась уничтожена. Именно это стало одной большой бедой. Начиная с Евы, все последующие Женщины оказались прокляты, все потомки Евы и вместе с ними **ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО**. На Земле зародилась цивилизация одиночек с прерванным потоком знаний и разорванными чувствами, а доступ к истинным знаниям и чувствам оказался заблокирован Высшим Разумом. Без попыток переосмыслить себя и свой род человечество быстро прогрессирует, несмотря на блокировку основных жизненных ресурсов. Ведь первичный технический прогресс возможен и без основных знаний и чувств Высшего Разума. Только уводит эта дорога к еще большим ошибкам, в которых и так погрязло человечество. Это неотвратимая цепь страшных событий, которые повторяются раз за разом в истории, лишь усиливая и усложняя все, что несет с собой прогресс –

зло, войны, чудовищные эксперименты, к которым люди по-прежнему не готовы.

Почему Ева и Адам не были уничтожены изначально – в момент совершения ошибки? Потому что с мертвецов дани не собрать. Всевышний Разум ждал, что человечество, постигая историю развития цивилизаций, сможет понять и обучиться тому, как жить не разрушая. Но шли века, а проблем становилось все больше и больше – часть из них возвращалась и усугубляла опасную ситуацию.

Но защита все-таки есть: через определенные промежутки времени цикл снова возвращается к началу и Единица Наследственной Любви пробуждается в одной из тех, чей генетический код полностью совпадает с кодом Евы, чтобы дать новую надежду людям. Но надежда эта слишком зыбка. Ни разу Ева, обладающая Единицей Наследственной Любви, не победила в этой битве и не спасла человечество, потому что одновременно просыпается обратный фактор – Блокировщик. Он сначала наблюдает, а потом соблазняет. Единица Наследственной Любви и Блокировщик – всегда антагонисты, как свет и тьма. Если Ген рождается слабым, то он умирает, а если рождается сильным и новая Ева становится сильной, то Блокировщик убивает Единицу Наследственной Любви в новорожденной Еве. Так было и будет всегда. Без моногамных отношений можно зачать ребенка, продолжить род, но эти дети не будут счастливы, как и их родители. Это результат сбоя в генетической программе. Люди достойны

ума, созидания, богатства, но они, оказывается, не достойны быть счастливыми в любви. Ребенок не может познать истинную любовь, и, сорвав Ген Любви с древа мироздания, человечество оказалось в мире вечного детства, и дорасти до истинного неземного счастья так и не удается...

Высший Разум услышал отголосок сна, и природа Единицы Наследственной Любви раскрылась. Теперь остается наблюдать за разворачивающимися событиями нового цикла и изучать новых героев этой древней-древней истории.

Глава 1

Родившись, каждый из нас мечтает совершить что-то великое, а если не великое, то хотя бы прожить незаурядную жизнь, полную приключений. На пороге взросления мы всегда ждем, что подарит нам судьба. Почему в нас заложено это чувство? Потому что каждый из нас на самом деле в состоянии стать великим. Но получается это только у единиц.

Ребенка волнует – кто к нему придет на день рождения, он спрашивает можно ли съесть все конфеты? Ему даже не интересно, что будет потом – накажут или нет? Но, взрослея, люди меняются. И вопросы, которыми они задаются, – о смысле жизни, о наших приоритетах, кем стать, что хорошего сделать, с кем свести жизнь и сколько заработать. Каждый этап сменяется следующим, и они выстраиваются друг за другом, как выстраивается жизнь человека: от начала через постоянное движение, приводящее к концу и уходу из этого мира. Человек не властен над жизнью и смертью, и когда он теряет близких, хочется закричать куда-то на самый верх, чтобы там, в чертогах Великого разума, кто-то остановил вечное движение колеса Сансары. Но... как говорится, и во взрослой жизни есть свои прелести.

Утрата – самое страшное, что может случиться. Я окончила школу, сдала экзамены и сходила на выпускной вечер.

А после всех этих событий умерла моя бабушка. На тот момент мне исполнилось восемнадцать, и чувство растерянности и потери поселилось в моем сердце. Одиночество и страх накатывали одной огромной волной, а в голове билась одна мысль: «Я знаю, что мы не вечны». Да и подготовиться к внезапной смерти, как к экзамену, невозможно. К ней вообще нельзя подготовиться. Она просто приходит из ниоткуда со своей косой и уводит тех, кого ты любишь. И такая привычная и уютная наша жизнь разбивается вдребезги, становясь лишь воспоминанием – кусочком нашего прошлого. Конечно, я не осталась одна, у меня были любящие родители, замечательные подруги, но именно бабушка вложила в меня все те качества, которыми я обладала на момент вступления во взрослую жизнь. Хотя именно она как-то сказала мне, что жизнь – не книга. Сейчас становится очень понятно, что некому научить меня жить, радоваться, огорчаться, идти на сделки с совестью, принимать свое и отрицать чужое, познать свой гнев и уметь пережить горе. Все то, что делает человека живым. В эту минуту я поняла, что никогда не почувствую на плече ее сухонькую руку, не увижу снисходительной улыбки, не услышу спокойных и мудрых слов. Вот так я осталась без нее, но со своими милыми и немного рассеянными родителями.

Мы можем выбирать друзей и спутников жизни, но выбирать родителей не в нашей власти. Их дает судьба. Как говорила бабушка – «Брак похож на танец, в котором партне-

ры двигаются слаженно, слившись в единое целое». Так было с моими родителями. Они были единым целым. Но как-то так сложилось, что в этом «их целом» для меня места не нашлось.

Мои родители Анна и Андрей Лурье уехали работать в США после перестройки. Молодые ученые зачастую не думали о детях, больше всего их интересовала работа. Когда мама забеременела, именно бабушка настояла на том, чтобы ребенка сохранили, пообещав помощь в воспитании. Я родилась, и родители относились ко мне как к какому-то недоумению, не понимая, как разделить интересную работу и заботу обо мне. При этом они вполне искренне любили меня. Просто однажды меня взяли за руку, отвели в самолет и вернули бабушке в Москву, сказав, что заниматься наукой и воспитанием одновременно не в состоянии. Тогда мое сердце разбилось в первый раз. Я помню, бабушка была только рада такому повороту событий, называя это «избавлением родителей от семейных проблем». В другой раз мои рассеянные родители случайно оставили меня в самом центре Люксембурга, куда они взяли меня в отпуск. Мне было пять, но я смогла найти дорогу обратно в гостиницу. Родители решили скрыть этот случай от бабушки, но я тогда не умела хранить тайны и, конечно, все ей рассказала. Какой грандиозный скандал тогда случился. А после бабушка полностью взвалила на себя нелегкий труд воспитания внучки и записала меня в московскую школу. Сказать, что мне это нравилось

и все было гладко, будет неправдой. Мне хотелось вернуться к родителям, к моим друзьям, но родители были слишком заняты своей карьерой, а друзья из детства редко становятся настоящими друзьями. Но обстоятельства сложились именно так, что я надолго осталась с бабушкой в Москве, а родители работали и жили в Кремниевой долине.

Конечно, бабушка не смогла заменить мне родителей, но чувство защищенности и любовь я получила именно от нее. Со временем мы сближались все больше и больше. Она кормила меня, успокаивала, сидела со мной рядом, когда я болела, – в общем-то, делала все, что делают обычные мама и папа. Пока я училась в школе, я узнавала от нее все больше и больше историй, которые она так любила мне рассказывать. Это были истории о героях и чудовищах, и, конечно же, они были о любви. Моя мама называла эти истории «рассказнями», потому как верила только в то, что можно доказать или объяснить с научной точки зрения.

В бабушке я любила ее элегантность и удивительную начитанность. Высокая, статная, с копной кудряшек, с глазами цвета серой стали, в которых постоянно поблескивала задорная искорка. В доме всегда царил порядок, огромные стеллажи с книгами стояли в кабинете дедушки, которого я не знала – он умер еще до моего рождения. По всем стенам висели наши семейные фотографии. Может быть, поэтому я выросла несколько замкнутой, много знала, умела размышлять, а то, о чем хотела сказать, всегда переносила на мольберт. Мне

нравилось рисовать, нравилось созерцать. На холсте я создавала свой особый мир.

Время шло, я подрастала, а бабушка постоянно повторяла о тех жизненных принципах, которым я должна соответствовать по жизни. Как-то во время наших ежевечерних разговоров перед сном, сидя на кровати и распустив волосы, я неуверенно проговорила:

– Я уже в последнем классе.

– Последний класс – это только старт, – улыбнулась мне она. – Оставайся честной, целомудренной девочкой и не растрачивай себя на всевозможные соблазны и пробы взрослой жизни. Которые, по моим меркам, для тебя еще не доступны, да и рановато.

– Да ладно, – отмахнулась я, – Джульетте было всего тринадцать!

– И к чему это привело? – Бабушка взяла расческу начала расчесывать мне волосы. – Полиночка, придет твое время. Любой выбор имеет последствия. То, что ты выберешь, будет вибрировать в будущем. Истинная любовь – сговор двух душ против остального мира. Все остальное – суррогатные имитации. Они существуют, чтобы спастись от одиночества, утолить похоть или ради корысти.

– Бабушка, я знаю про суррогат. – Я сразу же завелась, хотя в душе понимала, что времена меняются, жизнь стала проще, но вот со мной было точно что-то не так. – Все имеют право пробовать. И имеют право ошибаться.

– Я этого не отрицаю, – помолчав, ответила бабушка. – В путешествии по дороге жизни мы обречены спотыкаться о случайные камушки. Другое дело, что в любом случае необходимо подняться, отряхнуться и продолжать свой путь. Просто ты другая. Ты когда-нибудь целовалась? – Она вдруг резко сменила тему, удивив меня вопросом.

– Нет...

– Почему?

– Не знаю... Не хотелось, наверное.

– Ты поцелуешься с тем, кто полностью завладеет твоими мыслями. Тогда ты почувствуешь его не только губами, но каждой клеточкой своего тела. И тебе не захочется прерывать этот поцелуй. Поцелуи не врут. Химия... все дело в химии. Она или есть, или ее нет.

Именно после этого разговора мне впервые стали сниться сны, от которых я просыпалась измученной и опустошенной. Про что были сны? Я постоянно пыталась вспомнить, но все было каким-то расплывчатым. Иногда оставалось приятно-щекочущее ощущение. Иногда я просыпалась расстроенная. Но чаще сны грели и ласкали мне душу. В этих непонятных снах я от кого-то убегала, меня кто-то догонял и пытался схватить, а кто-то другой пытался помочь. Были еще и те, кто звал и искал. Кроме усталости, меня лихорадило, но температуры не было. Я списывала сны и свое состояние на экзамены, подготовку к выпускному вечеру и скорое возвращение родителей. С их приездом наша спокойная жизнь

всегда кардинально менялась. Но вот сны были слишком ответственными, и мне казалось, что я вижу настоящих призраков.

– Ты хорошо спишь? – спросила меня бабушка.

– Плохо... – Я отпила растворимый кофе из чашки. – Видимо, сказывается усталость, да и папа с мамой здесь.

– А что тебе снится? – поинтересовалась она.

– Снится кто-то, кого я никак не могу разглядеть, – начала рассказывать я, – а еще постоянно происходит непонятная борьба. Я ее не вижу, но чувствую. Странно другое... – На секунду я запнулась. – Один и тот же сон повторяется уже какое-то время, причем с разных ракурсов.

Бабушка кивнула, как будто понимала, о чем я рассказываю.

– Значит, твое время пришло, ты выросла. И кажется, что ты – это именно ты.

– Время пришло, и так понятно. У меня теперь начнется другая, взрослая жизнь. Но что я – это я, ты только сейчас поняла? Это же я, Полина Лурье и твоя внучка! – Я засмеялась, но, в отличие от меня, бабушка смотрела на меня очень серьезно.

– Скоро сама узнаешь. Я очень боюсь за тебя и не знаю, что ждет тебя в будущем, но надеюсь, ты справишься с тем, что тебе уготовано. Все необходимое я в тебя вложила.

– Постой, – перебила я ее, – ты про что?

– Полина, отнесись к моим словам серьезно, в семье Лурье

ты – первая родившаяся девочка за последние четыре поколения. И я счастлива, что именно мне выпала такая честь – воспитывать тебя. Надеюсь, я сделала все правильно, как меня и просили.

– Как все серьезно. – Я, улыбнувшись, обняла бабушку, выразив благодарность, что она вообще взвалила на себя ношу в виде меня.

Когда я вернулась домой со дня рождения одноклассника, то застала бабушку и родителей за бурным обсуждением моего будущего.

– А что, собственно, происходит? Вы что-то обсуждаете – и без меня? – поинтересовалась я, входя в комнату.

– Как отметили? – спросил папа, поправляя очки на носу.

– Очень хорошо. Но о чем вы спорите и при этом постоянно произносите мое имя?

– Дело не только в тебе. Твоя бабушка пугает нас байками, что скоро нас покинет, – ответила мама.

Бабушка последние дни и правда странно вела себя – то рассказывала про сны, то про мое воспитание и при каждом удобном случае просила не забыть об альбоме с нашими общими фотографиями, если ее вдруг не станет. Сейчас я обеспокоенно взглянула на бабушку.

– Вы, – она поочередно посмотрела на моих родителей, – заберете Полину к себе. Ее место в Стэнфорде.

– Правда? – перебила я ее. – А с чего вдруг там? И на кого я там буду учиться?

– Поступишь на медицинское. Твой московский этап жизни закончился.

– Почему ты так говоришь? – С недоумением я всматривалась в ее лицо, словно впервые заметив глубокие морщины, которые до этого как-то не замечала.

– Поли, присядь, пожалуйста, – устало попросила меня бабушка, я села на край кресла. – Когда родилась Полина, я поняла, что это судьба и именно мне предстоит заняться этой девочкой. Я постаралась передать и вложить в нее все лучшие качества и оградить от юношеских ошибок. Теперь она многое чувствует сама из моих уроков и понимает, как жить дальше. И я не хочу краснеть за нее.

Мне вдруг стало обидно. Бабушка говорила так, как будто меня здесь не было. Сначала в детстве меня разделили с родителями, теперь решали без моего голоса, кем мне стать и где жить. Я любила живопись и неплохо рисовала. У меня были две лучшие подруги, которых я бросать не собиралась. Но и в одиночестве я не скучала. В такие минуты я творила с мольбертом в руках. И вот сейчас мне стало болезненно одиноко, и это невзирая на то, что меня любили родные и желали мне самого лучшего будущего. Но в этот миг я почувствовала себя чужой в своей семье. Родители всегда снисходительно посмеивались над моим творчеством, а теперь и бабушка меня предала. Когда родители оставили меня в Москве и уехали, я сравнивала себя с гадким утенком. Со временем это чувство похожести ушло, но в эту минуту

я снова ощутила себя тем некрасивым, никому не нужным одиноким существом, до которого никому не было дела.

– Ты же знаешь, как я люблю рисовать! Почему не архитектурный, не художественный? Почему я должна бросить своих друзей и черт-те куда уехать? Как можно разлучить меня с Машкой, Олей и Гариком! Почему именно медицинский? И почему в Америке? Допустим, – я встала и заходила по комнате, размахивая руками, – мне нравится медицина, но разве здесь я не смогу учиться?

– Софья Михайловна, вы абсолютно правы! – повисив голос, перебила меня мама. Она не только не ответила на мой вопрос, но и очень меня удивила.

Мама с бабушкой чаще всего не сходились во мнениях, слишком разными они были, но впервые они встали на одну сторону. Мир перевернулся! Немного поразмыслив, я поняла, почему впервые их мысли совпали. Моя мама с математической точностью просчитывала каждый свой ход. Как в шахматах. И сейчас бабушкин ход ей нравился. Новые друзья, престижный университет, и, как я знаю, в Кремниевой долине всегда была нехватка «особей женского пола», а значит, в перспективе я найду себе мужа, возможно, программиста, но обязательно молодого и богатого. Я вопросительно посмотрела на отца, еще надеясь на его поддержку. Обычно он старался быть на моей стороне, так как видел редко и всегда чувствовал вину за то, что выбрал науку, а не дочь. Но папа сидел и смотрел куда-то мимо, погруженный в только

ему известные размышления.

– Полина, сядь, пожалуйста, не мельтеши перед глазами и послушай меня, – провозгласила бабушка и продолжила, когда я села перед нею: – Меня скоро не станет. Думаю, очень скоро. Я это знаю. Полина, ты не можешь оставаться в этой стране совсем одна. Родители вернутся к работе. Твое место не тут, ты можешь рисовать всю жизнь и где захочешь. А вот стать врачом – это совсем другое, это прекрасная и нужная людям специальность. А еще тебе нужно учиться именно в том университете, потому что я дала слово.

– И кому ты это пообещала? – Я снова перебила ее, заметив, что папа хмурится. И почему-то не на словах о смерти, а как только бабушка сказала об обещании.

– Пойми и доверься мне. – Бабушка устало вздохнула, видимо, этот разговор стал ее утомлять. – Учеба – твой конек, тебе всегда все дается очень легко. Вспомни, как ты спасала животных, ставила диагнозы своим подругам. Из тебя получится хороший врач. Будущее – очень иллюзорное состояние. И оно все же никогда не бывает таким, как ты его себе представляешь в юности.

Вот она, реальность, подумала я. То есть она представляет мое будущее, а я, значит, нет.

– Ладно. Я пока помолчу. Но я не сдамся, и мы снова поговорим об этом, но после выпускного. А пока я замолкаю... Принципиально! И чтобы ни слова на эту тему!

Но разговора так и не случилось, потому что сразу после

выпускного бабушки не стало. Она легла спать вечером, а утром не проснулась, тихо уйдя во сне. Если говорят, что кто-то понес утрату, то теперь я знаю всю горечь этого слова. Я потеряла многое – с ее уходом развеялась теплая аура, которая всегда меня окутывала и охраняла, квартира стала пустой и молчаливой. Боль пустоты черной кляксой разливалась в моей душе, и только время могло смыть ее.

Сны, о которых так волновалась бабушка, повторялись. Но после ее смерти становились все менее отчетливыми, короткими, слабыми. Только отдельные фрагменты напоминали о том, что снится мне все еще один и тот же сон. После похорон я почувствовала в себе что-то новое. Это нельзя было назвать приливом сил, но появилась уверенность в том, что бабушка была права и одной мне тут не место. Пока она была жива, все казалось правильным, сейчас все вокруг стало мрачным, мне было неудобно и тоскливо. Вот тогда я и решила, что можно уехать, поменять обстановку, попробовать поступить в медицинский. Сделать хоть что-то. А если не получится, то вернусь обратно и выберу что-нибудь другое. Мне было жалко только одного – из-за суеты перед моим выпускным и небольшого разногласия с бабушкой я не успела задать два вопроса, которые продолжали мучить меня: почему я должна учиться в Стэнфорде и кому она пообещала это?

В ночь после похорон я увидела ЕГО – сон, который навсегда остался в моей памяти. Резко проснувшись от сильно-

го озноба, я почувствовала себя абсолютно больной и, поднявшись на слабых ногах, подошла к открытому окну. Я вдыхала теплый воздух, а перед глазами все еще стояла кисть с браслетом на запястье. Когда стало получше, я снова легла в кровать, но уснуть так и не смогла. Стоило закрыть глаза, перед глазами снова появлялась рука. Как же мне хотелось увидеть того, чья рука так навязчиво вошла в мои сны. Это стало наваждением, моей мечтой, а мечты порой остаются только в наших снах. Я сама не заметила, как начала рисовать кисть и браслет именно такими, какими увидела во сне. Сначала просто тупо смотрела на белый лист бумаги и вертела карандаш в руке. А через несколько минут вижу рисунок. Сначала я испугалась, решив, что схожу с ума. Нельзя влюбиться в руку из сна. Я смотрела на ее странные контуры, тени, разглядывая каждую черточку и штрих наброска. Потом застонала и, полностью отключившись от мира, вновь принялась за рисунок, чтобы не забыть этот волшебный сон. Пять раз я отрывала альбомные листы и рвала их на мелкие кусочки. И все-таки рисунок у меня получился. Единственный из десятка неудачных. Получился настолько хорошо, будто это снимок перенесся из сна в реальность. Рисунок был похож до дрожи в руках. Сердце пело восторгом. Зачем я нарисовала свой сон? Возможно, потому, что это мечта, которую хотелось запечатлеть на бумаге.

Закончив перед рассветом, я встала и направилась в комнату бабушки, понимая, насколько мне ее не хватает. За-

бравшись с ногами в ее любимое кресло, я задумалась о том, что ждет меня в будущем. Мой взгляд упал на альбом с фотографиями, из которого торчал сложенный лист бумаги. И тут я вспомнила, что бабушка просила не забыть об альбоме. Я протянула руку и вытащила сложенный листок. Развернув его, я с удивлением обнаружила, что письмо адресовано мне.

«Дорогая моя Полина! Наш вчерашний разговор вызвал у тебя негодование. Я тебя понимаю, ведь решение принимала не ты. Задумываясь о своем будущем, каждый человек представляет себя успешным и счастливым. В любом человеке природой заложен потенциал, который позволяет построить собственное счастье. Я люблю твои работы, но ты должна искать новые возможности в себе. Твои картины исцеляют, и, смотря на них, я понимаю, что ты можешь исцелять и другим способом – будь врачом. Все приходит тогда, когда должно прийти, в свой точный момент и по определенным причинам. Ты должна принять свой талант, свое мастерство.

Также я обязана открыть тебе секрет – дело в том, что задолго до твоего рождения твоя судьба была предрешена. Вполне возможно, что ею могла стать не ты, а совершенно другая девочка, родившаяся до тебя. Тогда все было бы по-другому, и ты не родилась бы. Но до тебя в роду Лурье не было девочек. Ты первая, а значит, он в тебе возродился. Так было предсказано. Со временем ты все сама поймешь, просто доверься мне. Ты должна уехать в Стэнфорд и встретить там свою

судьбу. Пройти то, что тебе предназначено Вселенной много веков назад.

В нижнем ящике моего стола есть второе дно. То, что ты там найдешь, принадлежит тебе по праву. Эта рукопись передавалась в семье Лурье от женщины к женщине. Но так как рождались мальчики, рукопись наследовали их жены. Мне эту вещь передала моя свекровь, а ей – ее свекровь. И все для того, чтобы тетрадка наконец-то попала в руки истинному владельцу. Если бы ты родилась мальчиком, то эта рукопись была бы у твоей матери. Ты знаешь, ее очень сложно в чем-то убедить, она верит только в свою науку. Но родилась ты, и я счастлива, что именно мне досталась честь передать тебе то, что так долго хранила и оберегала семья Лурье. Если у тебя возникнут вопросы касательно твоей жизни и каких-то странных событий в ней, то начни читать – ты все поймешь, но самое главное – береги ее и храни. Люблю тебя, оставайся верна своей интуиции, своей позиции по жизни и сама увидишь, какой счастливой ты можешь стать и как легко можешь сделать счастливыми других людей.

Твоя бабушка Софья».

Я читала, а слезы катились нескончаемым потоком – это письмо, похоже, она написала незадолго до своей смерти. Плакала я долго, пока со слезами не ушла вся горечь на душе. Горе отпускало, и вслед за ним возникал вопрос: что все это могло значить? Я выдвинула ящик стола и стала вытас-

кивать оттуда письма, вырезки из газет, тетрадку с рецептами. Когда ящик остался пустым, я подцепила дно и в скрытом пространстве нашла старую потертую тетрадь. Даже не тетрадь, а скорее старинный блокнот, исписанный красивым женским почерком. Я извлекла тетрадь из тайника и некоторое время задумчиво вертела ее в руках. Затем снова залезла с ногами в кресло и наугад раскрыла:

«Если произошло новое перерождение самой сильной ступени, то девушка почувствует в себе новые симптомы. В это же время она испытает первое сильное потрясение. У нее могут появиться головокружения и озноб. Самый главный признак – это горячая волна, которая захлестывает каждую клетку ее кожи, когда он рядом и смотрит на нее».

Я уставилась взглядом в стену. Потом перевернула страницу, решив, что это какие-то старые медицинские заметки. Пытаясь найти рисунки, продолжала просматривать страницы, но ничего такого в ней не было. Когда я закрыла последнюю страницу, я снова задумалась о своем будущем. Если эта тетрадка так важна, что ее хранили в тайнике и передавали по наследству, если так важна сама я, то пусть я выучусь на медика в память о той, кто воспитал меня. Надеюсь, что бабушка не ошиблась в правильности моего будущего. Я вернулась к себе в комнату, забрав тетрадь с собой.

Самое необычное во всей этой истории со снами было то, что сон с браслетом оказался последним. Больше я не про-

сыпалась ни разбитой, ни больной, не было ощущения бабочек в животе и непонятного счастья. Но как же я хотела увидеть именно этот последний сон с красивой мужской кистью и браслетом.

Сразу после обнаружения тетрадки я решила поговорить с родными.

– Пап, ты знаешь о том, что именно передается по наследству в семье Лурье? – спросила я его за завтраком.

Он не ожидал моего вопроса и замер с чашкой в руках, а потом перевел взгляд на маму, явно прося у нее помощи.

– Господи, Полина, – мама отложила вилку и удивленно взглянула на меня, – ну хоть ты не верь в эти бредни, которые рассказывала тебе бабушка. – Она закатила глаза к потолку, сложила ладони вместе, прося у кого-то прощения. – Царствие небесное Софье Михайловне, но поверь, это какая-то придуманная семейная история о тайне, которую следует передавать из поколения в поколение. И спасибо, что ты у меня родилась, иначе бы мне передали секрет, в который я не верю.

Я не придавала значения маминым словам и снова вопросительно взглянула на папу.

– Понимаешь... – Папа поправил очки на переносице. – Я никогда не был посвящен в эту тайну. Почему-то ее передавали только женщинам. – Он заморгал, смотря на меня. – Я помню тебя маленькой девочкой и все никак не могу привыкнуть, что ты уже взрослая. Со своей жизненной позици-

ей. Но я хочу посоветовать тебе – поверь и прими просьбу бабушки. Я понимаю твои чувства к живописи, но...

– Пап, – перебила я, – я не ожидаю какого-то вселенского понимания ситуации. Ты мне просто ответь на вопрос – ты веришь в семейное завещание?

– Верю ли я? Может, оно и было когда-то важным, но в наш век технического прогресса, боюсь, оно перестало быть актуальным. А бабушка тебе что-то передала? – поинтересовался он у меня.

– Нет, – соврала я, сама не понимая почему, – только рассказала, что была тайна и ее передавали по женской линии, а так как рождались сыновья, то это касалось только их жен.

Папа прищурился, и легкая улыбка заиграла на его губах. Он понял, что я его обманула, а я поняла, что он все понял. И это знание внезапно сблизило нас. Я решила, что обязательно вернусь к этой теме, когда представится случай.

– Вот и славно, что она ничего не передала, – встряла мама и стала размешивать сахар в чашке, – не думаю, что вообще стоит забивать голову разной чепухой о своих предках.

– Все, на чем очень настаивала моя мать, – с серьезным видом добавил отец, – чтобы Полина училась в Стэнфорде.

– Это уж точно никак не связано с семейным завещанием, или что там было в вашей семье. Что они вообще могли знать про университет в те времена? – с раздражением спросила мама. Разговор явно стал ее утомлять. – Но Стэнфорд подходит, мы как раз недалеко работаем и живем. Это удоб-

но для всей семьи.

– Может, и нет... – Папа заметил, что я выжидающе смотрю на него. – Мы смогли уехать, заработать деньги для того, чтобы оплатить учебу Полины... – Он снова взглянул на маму. – Тебе не кажется это совпадением?

– Андрей, не говори глупостей! – вспыхнула мама. – У тебя прекрасная родня, я никогда и ничего не имела против твоих родителей, но эти странные условия, нашептывания, передача секретов... Мне, честно, уже надоело говорить об этом.

Дальше мы продолжили завтракать в тишине, каждый погружился в свои мысли. Но каким-то внутренним чутьем я понимала, что каждый из нас в эту минуту вспомнил бабушку.

Глава 2

С самого детства мы мечтаем стать кем-то: пожарными, космонавтами, актерами, музыкантами. Мы растем, тянемся все выше и выше. Сначала нас отправляют в детский сад, потом в школу. Все эти годы мы идем проторенной дорожкой, будто с рюкзаком за спиной: нас заставляют менять обувь, поднимать правильно руку, отвечать стоя, учат, как правильно думать и что говорить. И вот, кажется, в нас вбили знания и пора собственным умом решать, что делать, но и тут кроется подвох. То оценки не те, то денег не хватает, и большинство решений за нас снова принимают взрослые. А мы со школьными друзьями, взявшись за руки, стоим и понимаем, что скоро нас раскидает по белу свету.

А потом сразу началась пора забот. Сначала тест по английскому в Стэнфорде, затем пришлось собрать кучу бумаг для поступления. Одновременно надо было решить проблемы, связанные с квартирой и продажей дачи. Папа улетел, чтобы начать оформление меня в университет. Единственное, что не менялось, это ежедневный вечерний ритуал. Каждый раз перед сном я доставала свой рисунок из сна, смотрела на него, и в груди у меня разливалось приятное тепло. Я влюбилась в эту руку и ничего не могла с этим поделать.

Прощание с подругами было тяжелым. Но мы надеялись, что встретимся, если не на зимних каникулах, то на летних —

обязательно. Наша дружба, которая началась еще до школы, была настолько крепкой, что никакое расстояние и разлука не могли повлиять на нее.

– Мой папа вводит для меня режим экономии, – с грустью сообщила Машка. – А я собиралась прилететь к тебе в Америку. Там много мужчин в Силиконовой долине. Мне как раз туда надо.

– В Кремниевой, – поправила Оля.

– Какая разница!

– Большая. Правильно говорить – Кремниевая.

– Кремниевая, Силиконовая... Все равно папа урезал финансирование. – Машка вздохнула.

Отец Машки был дипломатом в Индии. Она то жила с одной мамой, то с обоими родителями, а когда они уезжали, тогда к ней приезжала бабушка. Последний год Машка стала совсем самостоятельной, но моя бабушка за ней присматривала. Нас сроднили не только образ жизни, но и дружба с детского сада и соседство: один дом, один подъезд, один этаж и квартиры напротив.

– Приедешь! – Я скрестила пальцы. – Держим пальцы и кулачки.

– Полинка, не знаю, какой из тебя получится врач, но ни в коем случае не бросай рисовать, – попросила Оля с мольбой в глазах. – Я этого тебе не прощу.

Оля была полной противоположностью Машки. Поэтому Оля всегда была «Олей», а вот Маша – только «Машкой».

Оля была среднего роста, на этом наше сходство заканчивалось. Потому что Оля – необыкновенная, экзотическая пышечка с короткими и вечно растрепанными темными волосами. Свои буйные кудри она стригла довольно коротко. На ее курносом носу сидели очки, и сквозь стекла на нас посматривали внимательные черные глаза. Я всегда считала, что в Оле есть если не цыганская кровь, то восточная точно, как, например, у Пушкина. И все потому, что только она могла верить в пустые ведра, черных кошек, рассыпавшуюся соль, упавшую на пол вилку, выброшенный вечером мусор, зашивание одежды на себе, свист в доме, нахождение между двух зеркал и многое другое. Только в прикуривание от спички она не верила, и то только потому, что уже давно в современном мире существовали электричество и зажигалки. Оля могла стать находкой для фольклориста. Количество известных ей примет не поддавалось исчислению. При этом она хотела поступить в театральный институт на костюмера. Для наших спектаклей в школе она шила греческие туники, платья с кринолинами и фижмами, какие-то художественные шифоновые тряпочки. Но настоящим шедевром стали наши платья на выпускной.

– Я согласна с Олей, – кивнула Машка.

– Я не брошу рисовать. Обещаю! Да и не могу, это сильнее меня.

– Странно, – Оля задумчиво смотрела на меня сквозь призму очков, – почему твоя бабушка так поступила с то-

бой? Именно она воспитала тебя такой, какая ты сейчас. Ты – нежная хрупкость, застенчивая интеллигентность, и вдруг Америка и медицинский факультет. Я думаю, – Оля подняла указательный палец, – Софья Михайловна увидела какой-то знак. Может, она мылась холодной водой?

– Оля, не надо про приметы, – застонала я и фыркнула. – И никакая я не застенчивая интеллигентность. А то на вашем фоне я выгляжу тусклой и скучной.

– Ага, – Машка хитро прищурилась, – ну конечно, эти твои особые качества, святость и непогрешимость, просто ты их не замечаешь. Если бы ты захотела, все ребята в классе были бы у твоих ног.

– Ты мои веснушки видела? А эти рыжие волосы? А румянец? Машка, вот ты сейчас это говоришь в здравом уме?

Машка обворожительно улыбнулась. Я знала эту улыбку, она так улыбалась, когда находила что-то или кого-то интересными. Откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди, она выжидала, пока Оля непринужденно болтала, а вернее, загибала пальцы, перечисляя приметы, по которым моя бабушка могла отправить меня в Америку. Все школьные годы у Машки всегда были проблемы с ростом. Она была самой высокой девочкой в классе. Неуклюжая, тощая, и с каждым годом, казалось, она все больше и больше вытягивалась. А потом вдруг остановилась, превратившись в великолепную стройную девушку с потрясающей фигурой, которой завидовали многие. У Машки было шесть положитель-

ных качеств. Во-первых, она всегда говорила то, о чем думает; во-вторых, у нее были самые длинные ноги; в-третьих, необыкновенная доброта, она никогда не могла намеренно обидеть меня или Олю, при этом вечно жертвовала собой ради нас; в-четвертых, у нее были изумительные ямочки на щеках; в-пятых, очень прямые волосы цвета спелой пшеницы, точь-в-точь как на картине Тициана «Венера с зеркалом» или у боттичеллиевской Венеры. В-шестых, Машка была голубоглазой Венерой, но сама об этом даже не догадывалась или не относилась серьезно.

– Она не это имеет ввиду, – продолжала рассуждать Оля, но при этом сменила тему. – Машка, конечно, самая-самая среди нас, тут не поспоришь, но в тебе есть сила, ты как Земля, которая притягивает людей к себе. Вот так ты притягиваешь противоположный пол.

– И кого в здравом уме я притягиваю? Только слепого! – последовал мой честный ответ. – У меня нет длинных ног, нет ямочек, кудряшек, золотых волос, и грудь у меня обычного размера.

– В тебе говорит воспитание твоей бабушки, и этого достаточно, – отмахиваясь, как от надоевшей мухи, пояснила Оля. – Ты просто другая. Как женщина, сошедшая с картинок позапрошлого века.

– Соглашусь в одном – я немного другая благодаря воспитанию бабушки. Она всегда говорила, что спешить не следует в двух случаях: когда еще рано и когда уже поздно.

– Ну, а так как в первом случае отсутствует спешка, это приводит ко второму. В принципе, спешить тебе вообще не надо. – Машка прыснула. – Видимо, поэтому ты никогда не используешь свою силу обольщения. И мне тебя будет не хватать... – Машка шмыгнула носом и дрожащей рукой прикурила сигарету. – Говорят, женской дружбы не бывает. Мне кажется, мы никогда не предадим и не будем завидовать успехам друг друга. Женская дружба очень сложна, на мой взгляд. А все сложнее становится, когда на горизонте появляется парень.

– Я бы не сказала. – Оля очень серьезно обвела нас глазами. – Смотрите, я с Гариком много лет, и вы мне не завидуете, а только поддерживаете. Опять же Машка по какой-то причине в ее голове, или сердце, или душе без проблем относится к тому, что Полина привлекает бойфрендов Машки. У нас удивительная дружба, основанная на необычных качествах, чувствах и взаимоотношений. Маш, – Оля снова посмотрела на нее, – когда очередной твой парень увлекается Полиной, что чувствуешь?

– Обиду и боль, но не к Полинке, а к парню. – Она пожала плечами. – Но я знаю точно, что Полина не виновата. Она не имеет никакого отношения к соблазну. Ненавидеть нужно грех, а не людей.

Я растрогалась и, чтобы не разреветься, попросила Олю:

– Отучи Машку курить!

– Обещаю! Но это сложно. – И тут Оля не выдержала, об-

няла нас и сквозь слезы произнесла: – Неужели наши пути расходятся? Все наше детство мы вместе! Неужели это останется только в памяти? Уроки, первая любовь, игры, секреты...

– У меня еще не было первой любви, – хлюпая носом, произнесла я. – Но я знаю, что никогда не буду шархаться от тех фантазий, которые у меня в голове. Я не буду бояться. Я не боюсь мечтать. Главное, встретить того, о ком я мечтаю. – А в голове снова всплыла рука с браслетом.

– Полинка, неужели тебе никто никогда не нравился? – спросила Машка. – Ну вот на самую капельку. – Она сложила большой и указательный палец. – Исповедуйся перед отправкой в неизвестное будущее.

– Ты прекрасно знаешь, что никто. Мне нравится дружить. Все ребята из нашего класса очень хорошие, веселые, смешные, но стоило кому-то проявить знаки внимания больше, чем дружеские, и мне... у меня... – Я не знала, как правильно подобрать слова. – Ну, короче, мне не хотелось даже думать об этом.

– Это твоя бабушка виновата, – произнесла Машка. – Пусть лучше будет ошибка, чем отсутствие инициативы и бездеятельность.

– Машка. – Оля с укором посмотрела на нее.

– Ну что «Машка»? – Она затаилась и пустила дым. – Софью Михайловну я очень уважала, но так воспитывать нельзя в наш современный век. А кому, как не мне, это знать,

меня тоже она воспитывала. Может, я, конечно, и ошибаюсь, но наша Полинка абсолютно не разбирается в мужчинах. И это очень плохо. Не надо бояться принимать решения.

– Да ладно. – Оля снова театрально махнула рукой. – Мы только вышли из школьных дверей. А Полинка принадлежит к тому типу девушек, которые не живут в фальшивой правде и лживой истине.

– А я живу? – Машка внимательно посмотрела на Олю.

– Ты – всегда без масок, но со своими желаниями.

– И ты их не одобряешь, потому что я часто влюбляюсь? Я не могу резать крылья новой любви, – стала пояснять Машка. – И я люблю серебряные колокольчики, которые звенят у меня в груди, извещая мне о приближении госпожи Любви.

– Я просто еще в спячке, – влезла я между подругами, так как понимала, что снова будет спор. Оле не нравились эти вечные Машкины колокольчики. – Я на каком-то подсознательном уровне понимаю, что не готова к колокольчикам. Я тоже хочу чувств, желаний, чаяний и фантазии. Хочу быть смелой – отчаянно смелой! Вот бы были какие-то правила, когда узнаешь, что готова, – представила я.

– Зачем тебе правила? – засмеялась Оля. – Это вулкан эмоций, буря, ты и хочешь и пугаешься одновременно. И тогда понимаешь, что жить без этого уже не можешь. Правил вообще нет. Ты придумываешь свои личные правила.

Я понимала, о чем хотела сказать Оля. Мы с Машкой были свидетелями бурного романа Гарика и Оли. Гарик тоже но-

сил очки и без них близоруко щурился, точь-в-точь как Оля, правда, на этом их сходство заканчивалось. Потому что Гарик был высоким и худым, со светлыми и прямыми волосами и серыми глазами на немного печальном, вытянутом лице. Гарик обожал физику. Его общение с Олей было странным – приметы Оли никак не сходились с законами физики у Гарика, и он постоянно душераздирающе вздыхал, слушая очередные законы жителей прошлых веков. Но эти двое полюбили друг друга и были вместе уже четыре года. Хотя дружба их началась с первого класса, с первого урока физкультуры, когда он залепил ей мячом в лоб. Мы стояли втроем и наблюдали за компанией мальчишек. Оля улыбнулась Гарику, а он с размаху бросил в нее мяч. На следующий день она пришла в школу с двумя синяками под глазами и так и ходила, пока они не позеленели, а потом, спустя несколько дней, не пожелтели.

Машка любила жить. Для нее любовь была везде. В воде, в воздухе, в весеннем небе, в осенних листьях. Она быстро влюблялась и так же быстро остывала. Так, во всяком случае, мне казалось. И я считала, что это будет происходить до того момента, когда она полюбит по-настоящему.

– Оля, вот ты уже столько лет с Гариком. Тебе надо написать практическое руководство «Как найти Его и сохранить».

– К сожалению, все слишком индивидуально, – рассмеялась Оля.

– Я считаю, что любовь надо искать не жалея сил, – произнесла Машка, зная, что мы ее слушаем крайне внимательно. – Конечно, мы всегда можем рассчитывать друг на друга – всех троих, – на нашу помощь, но в том, что касается любви, каждый действует в одиночку. Никто не сможет предостеречь, никто не даст правильного совета, никто не предупредит, на что похожа любовь.

Оля согласно кивнула:

– Когда это придет, вы сразу поймете – и тогда вам придется решать, чего вы хотите и чем готовы жертвовать. Как у меня с Гариком.

– Как вы думаете, а я скоро полюблю? – задумчиво спросила я. Из головы не выходило, что я очень легко сходилась с противоположным полом, но всех воспринимала только друзьями. Я ни морально, ни физически ничего не могла им дать. Или пока не могла.

– Полюбишь, обязательно полюбишь! Какого-нибудь нудного янки с гамбургером в зубах, – улыбнулась Оля. – Настанет момент, когда ты будешь готова рискнуть, и тебе откроется удивительный мир любви. И ты наконец-то решишься. Жизнь очень разнообразная штука, вот ты еще маленькая, наивная и не доросла до любви. У тебя только дружба в голове. Но дружба – это ценный дар, который дается не всем. Я счастлива, что мы с первого класса всегда были вместе. А вы и того раньше, так как на одном этаже живете.

Машка, услышав эти слова, снова глубоко затянулась и

выдохнула дым.

– Машка, хватит курить! – Я стала разгонять дым полотенцем и случайно задела фотографию Тома Харди на холодильнике. Машка совсем недавно начала от него фанатеть. До этого был Брэд Питт, до того – Джордж Клуни, а до того много других.

– Ой, простите, молодой человек. – Я вернула фотографию на место, прилепив магнит в виде яблока ему на лоб. – Вот тебе яблоко раздора или запретный плод.

Оля хихикнула.

Машка потушила сигарету, а потом, вскочив, обняла меня и заревела в голос:

– Полинка, не уезжа-а-а-й, я не могу без тебя. Ты ведь не потеряешься там, на другом континенте?

– Как говорила моя бабушка, – начала я, – терять нужно уметь, чтобы находить. Возможно, мой отъезд дает нам ту единственную надежду на новую встречу. Мы жаждем перемен и в то же время боимся потерять то, что есть, – вот два фактора, которые вечно борются в нас.

Оля тоже встала и обняла нас обеих.

– Девочки, это вызов. Я знаю, что все изменится. Наша жизнь перевернется с ног на голову.

Впервые мы плакали, потому что расставались, потому что поняли, что наше любимое детство осталось в другом измерении и только память хранит нашу детскую дружбу.

Вечером со мной пришел попрощаться Гарик. Он креп-

ко меня обнял, душераздирающе вздохнул, поправил очки и наконец произнес свою заумную мысль будущего физика. За несколько лет я уже знала, что остановить его было невозможно, иначе можно потерять саму суть того, что он пытался сказать.

– Ты, Полин, живешь без масок. А когда человек позволяет себе быть собой, в этот момент он запускает процесс энергетической сортировки. Именно поэтому в тебе нет того, что не соответствует твоей истинной сути, и ты легко притягиваешь все, что поддерживает тебя. Прими свою уникальность, потому что ты такая и есть. Это самый быстрый способ получения истинной силы и начала творения той жизни, которой тебе предназначено жить.

А ровно через сутки, когда самолет оторвался от земли, я осознала, что закончилось мое беззаботное детство и начинается новое – взрослое будущее. А каким оно будет, зависит от меня самой: моего ума, интуиции, силы воли, судьбы и удачи. Я летела навстречу новой судьбе и своему будущему. Я оставляла за спиной детские воспоминания. Как кадры фильма, в голове прокручивались друг за другом милые наивные картинки. Теперь они оставались за спиной на полке в архиве прошлого. А новый этап с взлетом самолета стучался в двери моей жизни. Это тот момент, когда надо радоваться и с нетерпением ждать, что он тебе преподнесет.

Глава 3

Первый учебный день в университете всегда самый суетливый. Мимо пробежали студенты, одни смеялись, другие торопились, новые студенты в первый учебный день были возбуждены, некоторые потеряны, не зная, куда им направляться. А Мирабель неслась навстречу судьбе. Будто что-то сильно подталкивало ее в спину, и когда она добежала до дверей аудитории, резко остановилась и с удивлением поняла, что она на месте. Куда же она так бежала? И вот сразу почувствовала неуверенность. Казалось бы, она родилась и жила здесь, Стэнфордский университет не был ей чужим, но чувство одиночества почему-то не покидало. Причина крылась в Алане, с которым она практически не расставалась, но сегодня все изменилось. Он обязательно появится, постоянно твердила она себе, но сейчас у него другие дела и планы. Увы, она не умела легко сходитья с новыми людьми, и довольно долго не получалось с кем-нибудь подружиться. Все му виною уже сложившаяся компания, которая с опаской и настороженностью относилась ко всем новичкам. А законы компании диктовала не она, а те, кто сегодня занят другими важными делами.

Странная вещь человеческие отношения. Мирабель подумала о том, что есть люди, с которыми легко везде и всегда. И таких людей всегда до обидного не хватает в жизни. Быва-

ют и другие, с которыми невыносимо тяжело. А есть те, кто использует тебя в каких-то целях. Мирабель бросила мимо-летний взгляд на пронесившихся мимо студентов, торопившихся по своим делам. «Как же их много», – вздохнула она про себя. Толпа. Но иногда идешь в толпе с открытой душой, а навстречу тебе идет другой человек, и вдруг будто бьет разряд энергии, и ты понимаешь, что перед тобой очень ценный и очень твой человек, и эта встреча на всю жизнь.

– Всего неделю продержаться, – громко произнесла она, обводя глазами аудиторию, – а еще пора привыкать к самостоятельности.

– Вот и я о том же, – раздался рядом задумчивый голос с легким акцентом, – мы на пороге другой жизни, но все равно немного тревожно.

Мирабель повернулась на голос. Рядом с ней стояла девушка примерно одного с ней роста, с роскошными каштановыми волосами, собранными в хвост. Она внимательно рассматривала аудиторию серо-зелеными глазами.

– Куда бы сесть? – задумчиво спросила незнакомка, будто бы не обращая внимания, что Мирабель пристально и с неприкрытым любопытством рассматривает ее.

– Может быть, туда? – очнувшись, предложила Мирабель и указала рукой на пока еще пустой ряд. – Не очень близко и не далеко.

Повернувшись, девушка взглянула туда, куда указывала рука Мирабель, и широко улыбнулась.

– Отличная идея! Идем!

Бывает, что ищешь всю жизнь друзей, а находишь за мгновение. Это первое, о чем подумала Мирабель. Уже позже она удивилась тому, как смогла вот так довериться незнакомке. Может, все дело в чувстве одиночества, от которого она хотела избавиться. Во всяком случае, она впервые не думала об Алане, а внутри расплывалось приятное тепло.

– Тебя как зовут? – спросила девушка.

– Мирабель. Но близкие называют Мира. А тебя?

– А меня Полина, но можно просто Поли.

Вот так и состоялось это знакомство.

– Ты говоришь с акцентом. Ты откуда? – В Стэнфорде училось много иностранцев, и Мирабель было интересно, откуда приехала ее новая знакомая.

– Я русская, – уточнила Полина. – Надеюсь, мой акцент не слишком ужасный, – улыбнулась она.

– Извини, я бываю очень приставучей, когда меня кто-то заинтересовал, – вздохнула Мирабель. – Для иностранки у тебя отличный английский.

– Вообще-то я родилась в США, – призналась ей Полина, – но потом меня забрала бабушка в Россию.

– Зачем?

– Она не одобряла, как меня воспитывали мои родители. – Полина хихикнула. – Она считала, что они со странностями.

Мирабель повернулась и внимательно посмотрела на Полину.

– А чем занимаются твои родители?

– Ученые в Кремниевой долине. Они так увлечены наукой, что иногда совершенно забывают о времени и о том, что у них есть дочь. Знаешь, иногда они напоминают мне заигравшихся детей. А вот бабушка хотела, чтобы я училась в этом университете. Так что, честно признаюсь, я шла не по призванию, они всем миром заставили меня поступить сюда.

– Знакомо, – кивнула Мирабель, – у моего близкого друга родители тоже все отдают работе, он практически вырос в нашей семье. А наша семья – это Стэнфорд. Он поэтому тоже поступил сюда.

– Даже так? – изумленно спросила Полина. – А ты сама откуда?

– А у меня все банально, мы тут живем недалеко, в Пало-Альто. Родители – врачи. Мои старшие брат и сестра – близнецы. Учатся на последнем курсе. И теперь я поступила сюда, потому что кроме моих родных в этом университете учится мой парень.

– А где он? – спросила Полина.

– Его сейчас нет здесь. У него занятия начнутся только через неделю. А у тебя есть парень? – сменив тему, спросила Мирабель.

– Нет, – искренне ответила Полина.

– Обязательно найдешь. – Но под сиденьем, чтобы не было видно, скрестила пальцы. Ей понравилась Полина, и она не хотела, чтобы ее новая знакомая влюбилась в Алана. А

проблема в том, что ей катастрофически не везло с подружками, и виною этому всегда был Алан.

– Наверное, я еще не доросла. – Полина собиралась еще что-то сказать, но в этот момент вошел преподаватель.

После лекции они продолжили разговор по дороге в кабинет для практических занятий.

– А у меня никогда не было подруги, – призналась Мирабель.

– Почему? – Полина остановилась и с удивлением посмотрела на нее.

– Как-то не сложилось. – Мирабель удрученно махнула рукой. – В основном меня использовали для определенных целей. – Она тяжело вздохнула. – Таких было большинство, они заводили дружбу, чтобы познакомиться через меня с Аланом и переспать с ним.

– Алан – это кто?

– Мой парень, – ответила Мирабель. – Были еще другие, которые хотели познакомиться с моим братом и влиться в крутую компанию. Короче, всем было что-то от меня нужно, кроме дружбы. – Мирабель взглянула на Полину и увидела искреннее изумление. – Ты, наверно, ничего не поняла из того, что я рассказала? Получилось очень скомкано.

– Нет, почему же. Я все поняла. И очень сочувствую тебе. Мне жаль, что у тебя все так сложилось.

Как ни странно, Мирабель и Полина провели весь день вместе. Они так увлеклись разговорами, что Мирабель

вспомнила об Алане только во время обеда, когда он ей позвонил.

– Как ты без меня справляешься? – поинтересовался он.

– У меня все отлично.

– Даже отлично? – услышала Мирабель его удивленный голос. И она понимала, что его удивило: «отлично» может быть только в одном случае – когда он рядом.

– Я познакомилась с однокурсницей. Впервые без тебя я справляюсь. – Мирабель скосила взгляд на новую знакомую.

Полина сидела рядом, рассеянно размешивая палочкой кофе со сливками.

– Я рад за тебя, Мира! Надеюсь, что тебе повезет с новой знакомой. Когда-то тебе должно повезти. Вдруг сегодня именно твой день! Я скучаю по тебе и очень люблю. Вечером увидимся.

– Я тоже тебя люблю! Увидимся!

– А вы давно вместе? – отпив кофе, спросила Полина.

– Скоро два года с момента признания мне в любви и больше года, как мы живем вместе.

– Два года?! – переспросила Полина. – Сколько тебе же было, когда он признался тебе в любви? Шестнадцать?

– Семнадцать. И он самый близкий друг моего брата Дилана. У моего брата два лучших друга, Алан и Уолтер. Они втроем вместе с первого класса. И никогда не расстаются. А моя сестра Шания с Диланом – близнецы, и в школу они пошли в один класс. Получилось, что Шания и Уолтер по-

дружились в первом классе и с тех пор вместе. Это про Уолтера я тебе рассказывала, его родители постоянно заняты работой, они оставили Уолтера на тетку, которая с большой радостью отпускала его к нам. Так и получилось, что Уолтер, считай, поселился у нас. А довольная тетка осталась жить в большом доме родителей Уолтера и тратить их деньги. Все были в выигрыше. – Мирабель хихикнула. – Естественно, Шания вошла в эту мужскую компанию, а я нет, потому что все они старше меня на целых пять лет. На момент их знакомства мне было всего два года. А в двенадцать я влюбилась в Алана. Но так стеснялась, что всегда сбегала, когда они собирались у нас, а они всегда собирались у нас дома. Я убегала к себе и не появлялась до его ухода. Даже на празднование дня рождения сестры с братом не вышла из комнаты, боялась, что выдам свои чувства к нему и все будут смеяться над маленькой и глупой девочкой.

– Моя подруга тоже была в положении Уолтера. Моя бабушка за ней присматривала. Как же вы уживаетесь все вместе? Это сложно... – задумчиво произнесла Полина.

– Сначала получалось плохо. Отсутствие еды, грязная посуда, кучи стирки, не считая уборки. Но мама поставила всех по стойке смирно. Выделяла дни для уборки дома и стрижки газона. Вошло в привычку у всех. Теперь у нас порядок, как в армии.

– А что такого необычного в Алане? Почему твои мнимые подруги хотели его отбить? – снова спросила Полина.

– Он красивый... даже нет, не так... – Мирабель замолчала на несколько секунд, собираясь с мыслями. – Понимаешь, такие ребята нравятся девушкам. В нем есть какое-то умение очаровывать, аура какая-то, одна улыбка чего стоит. Он наследник большого состояния, имеет прекрасный дом с бассейном, мечта очень многих и многих. Девушки его окружали всегда, он менял их как перчатки, легко и просто. Так он жил.

– Мне вот что интересно, – в глазах Полины появился азарт, – а чем ты аргументировала свое отсутствие на таких торжествах, как день рождения сестры и брата?

– Оправдывалась тем, что еще маленькая, среди взрослых мне не место, и уезжала с родителями в загородный дом. Когда Шани и Дилану исполнился двадцать один год, мне пришлось засунуть свою стеснительность в одно место и появиться на этом празднике.

– И что произошло? – Полина во все глаза смотрела на Мирабель, желая услышать окончание истории.

– Он увидел меня и влюбился. Вот тогда начался кошмар для него. – Мирабель прыснула. – Он очень боялся моего брата. Но благодаря ему мы с Аланом вместе.

– Очень необычная история! – с восторгом в голосе произнесла Полина. – А сестра твоя сколько лет с... – Она запнулась, пытаясь вспомнить выскочившее из памяти новое имя.

– Его зовут Уолтер, – напомнила Мирабель. – Они вместе

уже семнадцать лет.

– А каково это – влюбиться? – спросила Полина.

– Хочется смотреть только на него. Сердце готово выско-
чить из груди. И чтобы ты ни делала, все в какой-то степени
адресовано тому, кого ты любишь...

Впервые для Мирабель время пролетело незаметно. За-
нятия закончились. Полина поехала в Сан-Хосе, где был дом
ее родителей, а Мирабель отправилась в Пало-Альто.

Влетев домой, Мирабель сразу устремилась на кухню –
любимое место всей семьи. Неизменный герой кухни диван
был переполнен, но, похоже, никто не возражал. Все семей-
ство и их неразлучные друзья восседали во всевозможных
живописных позах, требующих пространства и внимания.
Мирабель втиснулась и оказалась зажатой между Аланом и
братом Диланом. Все с интересом слушали ее рассказ о пер-
вом учебном дне. Отсутствовала только мама, так как на-
ходилась на дежурстве в больнице и принимала роды. Ми-
рабель удивила всех, и даже Дилан оторвался от очередной
книги и посмотрел на нее неодобрительно.

– Я надеюсь, что она не станет твоей новой подружкой. –
Он смотрел на младшую сестру как на умалишенную. – Она
мне уже не нравится.

– Дилан, – укоризненно остановила его старшая сестра с
другого конца дивана.

– Надеюсь, что она особенная и не набросится на Алана,
как только с ним познакомится, и не пополнит список экс-

подружек. – Правда, произнес он эти слова с сомнением в голосе. – Я бы порвал отношения с такой сразу. Лучше всего завтра, чтобы твоему нежному и чуткому сердцу не пришлось страдать.

– Дилан, ну почему ты такой пессимист?! – схватила за голову Шания. Ее волосы гривой рассыпались по плечам и закрыли почти всю спинку дивана. – Ну что в нас не так, скажи? – Она обняла Мирабель, пытаясь защитить младшую сестру от нападков.

– Это ты меня спрашиваешь? – Дилан резко подался вперед. – Можно подумать, у тебя была или есть настоящая подруга. Все ваши так называемые подруги пытались залезть к нам в штаны или лечь под нас.

– Спасибо, Дилан, ты высказал мои мысли вслух. – Алан подставил ладонь Дилану, и тот по ней ударил перед самым носом погрустневшей Мирабель. – По крайней мере, не я один понял, что новая подружка – угроза нашему спокойствию. Дружба бывает только мужская! Женской дружбы не существует. Вы, женщины, слишком ненавидите и завидуете друг другу.

– Бог создал женщину после мужчины, – парировала Шания, – потому что хотел исправить ошибки, которые совершил во время первой попытки.

Слова брата и друзей испортили настроение Мирабель, которое весь день было замечательным. Она очень хотела сохранить дружбу с Полиной, но зерно недоверия уже было по-

сеяно. Дилан и Алан понимающе переглянулись, едва сдерживая смех, а Уолтер будто невзначай уронил вилку и нагнулся, чтобы скрыть улыбку.

– Если будете обижать моих девочек, всех выгоню по домам, – покачал головой отец и бросил на молодых людей косяк взгляд.

– О, Кевин, прости, – начал оправдываться Уолтер, – мы просто хотим, чтобы все оставалось как прежде. Честно признаюсь, я не хочу изменений. А что-то мне подсказывает, что я опять увижу рыдающую Миру, потому что ее новоиспеченная подружка будет страстно прижимать нашего красавчика Алана к стенке.

– Вот-вот – это и есть правда, – кивнул Дилан.

– Нет, не правда! – выкрикнула Мирабель.

– Спорим? – Уолтер протянул руку.

Шания снова запустила руки в гриву своих пышных волос и простионала:

– Начинается... Снова пари. Они оба невыносимы.

– Спорим! Поли не влюбится в Алана! – И она пожала руку Уолтеру.

– Сто баксов! Она влюбится в Алана! – радостно завопил Уолтер.

– Сколько?! – выкрикнул Дилан. – Мира, ты ненормальная?! Я достаточно посмотрелся на твои слезы. Так что, дорогая, – обратился он к младшей сестре, – давай без новых подружек и прочих пари. Уолтер оберет тебя до нитки. – И

он снова уставился в свою книгу как ни в чем не бывало.

– Читай книгу, отличник. И не порть людям настроение, – пробурчала Мирабель.

– Он тебе испортил настроение, звезда моя? – приторно-наигранным тоном поинтересовался Алан. – Вот козел! Какие вы все злыдни, а еще называетесь родными людьми. – Алан поднялся и, взяв Мирабель за руку, потащил вон из кухни. Она обернулась и скорчила всем рожицу. Все засмеялись, даже Дилан улыбнулся, хотя от книги взора не оторвал.

– Дилан, нечего смеяться! Ты даже не смотрел!

– А я все чувствую и слишком хорошо тебя знаю. – Дилан посмотрел на нее и подмигнул.

Мирабель шла по коридору с Аланом, и настроение опять вернулось, почему-то она верила, что все будет хорошо.

Глава 4

Когда день заканчивается, мы подводим его итоги и только тогда понимаем, насколько этот день оказался важным в нашей жизни. Все знакомства и расставания, первая любовь и тот момент, когда именно этот день остается в памяти на всю нашу жизнь, день, ведущий в будущее.

Первая неделя в университете пролетела для меня очень быстро. Больше всего я переживала за свой английский, но все оказалось даже лучше, чем я ожидала. Нас нагружали, часто приходилось сидеть за компьютером и в библиотеке. Но и свободы было много. Мы сами выбирали, чему учиться, предметы, а также ценились новые и интересные идеи. С таким я столкнулась впервые.

Правда, я продолжала скучать по подругам: мы созванивались, переписывались, но с началом учебы интервалы между разговорами увеличились, потому что каждая из нас была занята своими делами, не говоря уж о разнице во времени. С появлением Миранды в моей жизни появился стимул – я снова была не одна, у меня появилась знакомая, которая, как я надеялась, со временем станет подругой. Мы все больше узнавали друг друга, и наша связь крепла.

Узнав историю ее любви, я очень хотела верить, что у нее с Аланом все сложится. Для меня два года в отношениях казались довольно маленьким сроком, да и давление ее стар-

шего брата тоже могло повлиять на их отношения. А вдруг Мирабель все это себе придумала? Пока моим примером оставались отношения Оли и Гарика. Но я не могла отрицать главного – Мирабель была очень интересной. Миниатюрная, очень изящная – девочка-подросток, девочка-эльф. Она с первого взгляда поражала своей женственностью. На кукольном личике в обрамлении темных длинных волос, которые в художественном беспорядке вились по плечам, выделялись огромные и выразительные темно-серые глазищи в пол-лица.

На лекциях я иногда рисовала шаржи, показывала их Мирабель, а та смеялась до слез.

– Останется в истории, – шептала я ей.

Воскресенье было моим первым выходным с начала учебы, и я впервые обедала вместе с родителями.

– Что скажешь о первой неделе в университете? – поинтересовалась мама. – И меня очень интересуют твои новые знакомства. Пока ты нам ничего определенного не рассказала.

Моя мама не была бы мамой, если бы не переживала по поводу того, что я до сих пор не нашла себе бойфренда. Мои близкие подруги Машка и Оля давно уже их завели, и маме не нравилось, что я выделяюсь на общем фоне. Ее вопрос я поняла сразу, из моих новых знакомств ее больше волновали мои друзья противоположного пола.

– Учеба нравится, – ответила я, когда прожевала кусок

пиццы, – у меня появилась новая подруга. – В этот момент зазвонил мой мобильный телефон. – А вот и она, – произнесла я и включила связь.

– Поли, я позвонила, чтобы сказать тебе, что завтра появится Алан. Скорее всего, я не смогу все время проводить с тобой... – Я услышала вздох и поняла, что эти слова дались ей нелегко.

– Тебе не за что извиняться, – неожиданно для себя выпалила я и тут же осеклась. Хотя, немного подумав, решила, что выбрала правильный путь. – Я была готова к этому, потому что очень хорошо понимаю ваши отношения. Мы будем видеться на занятиях, а в свободное время мне все равно многое надо подтянуть. В моих планах посещение библиотеки.

– Спасибо. – Теперь в ее голосе я услышала бодрые нотки. – Почему-то я была уверена, что ты меня поймешь. Увидимся завтра.

– Какие-то проблемы? – спросил папа, когда я отключила телефон.

– Нет никаких проблем, – ответила я, – мои планы немного меняются.

– Похоже, твоя новая подруга тебя кинула... – констатировала мама, стараясь не смотреть на меня.

– Ты все не так поняла.

– Ну да, ты же у нас правильная, воспитанная Софьей Михайловной, – съязвила мама. – Все ищешь идеал и никак не

можешь понять простую истину, что идеала не существует и каждый человек довольно сложен со всеми своими недостатками.

Обедать мне расхотелось, и я, молча встав из-за стола, ушла в свою комнату. Неопределенность и чувство одиночества так давили, что избавиться от них я могла только одним способом. Я подошла к ноутбуку и нажала клавишу соединения.

– А вот и я! – Машка лучезарно улыбалась с экрана.

Не прошло и десяти секунд, как к нам подключилась Оля. Она радостно помахала.

– Я рассталась с Вадиком, – тут же начала Машка. Вадик был ее новым парнем, с которым она познакомилась во время интервью, когда делала домашнее задание. Машка училась на факультете журналистики.

– Что, опять?! – воскликнула Оля. – И почему ты мне не сказала?

– Вот сейчас и говорю. Я уже изменилась, но живу все той же прежней жизнью.

– И что на этот раз? – спросила я.

– Надоело подтирать сопли, – с горечью призналась Машка. Я видела, она хоть и пыталась говорить с иронией, но ей было больно. Самой красивой девушке нашей московской компании постоянно не везло с ребятами.

– Потому что ты должна не только отдавать, но и получать, – серьезно вставила Оля, поправляя очки. – Ты же

слишком добрая. Вся нараспашку. Тебя читать можно, как книгу, а потому использовать.

– Это потому, что любовь какая-то недоделанная. Она только включается, а потом какие-то винтики ломаются. Даже смотришь на звезд, влюбляются, женятся, детки растут, а спустя десять-пятнадцать лет бац – и развод. Сломалась любовь. Китайцы, что ли, ее делают?

– У Оли с Гариком точно не китайцы делали. Кто-то покруче, – вставила я.

– Полина, а у тебя как дела с Мирабель? – спросила Оля.

– А... – Я махнула рукой и сумбурно рассказала про Алана, их любовь, про маму, которая опять чем-то недовольна. – Видимо, я снова остаюсь одна-одинешенька.

– Ты останешься с Аланом, – хихикнула Машка. – Ты же любого уведешь, если захочешь.

– Но я не хочу! – возмутилась я. – И вон Гарик пример.

Оля кивнула.

– Гарик – это Гарик. У него на тебя иммунитет.

– Маш, – обратилась я к ней, – не пугай меня. Не хочу я терять подругу, только найдя ее.

– Да она сама уже потерялась, потому как у нее примеры перед глазами. Ох, как я хочу на этого красавчика посмотреть, и на сцену вашего знакомства. – Машка вдруг замолчала. – Все, что нам дорого, всегда вызывает боль, – закончила она, но голос выдал ее потерянность.

– Маш, все будет хорошо. Я к тебе через час забегу, – по-

пробовала успокоить Машку Оля. А на меня от этих слов тоска накатила еще больше.

– Мне вас не хватает.

– А нам тебя, – в унисон произнесли девочки.

– Возвращайся, буду своих бойфрендов снова тобой проверять, – рассмеялась Машка.

– Я тебя когда-нибудь придушу!

– Да куда ты без меня...

– Куда ты без нее...

На этой ноте наш разговор закончился.

В эту ночь я долго не могла уснуть. Думала о Мирабель, о том, как завтра мы встретимся, но теперь все будет по-другому. Мне хотелось верить, что мы продолжим с ней дружбу.

Я чуть не проспала и, собравшись на скорую руку и не выпив кофе, побежала к автобусной остановке. Как ни странно, приехала я даже раньше и теперь жалела, что в организме отсутствует кофеин.

– Поли! – услышала я голос Мирабель, когда уже была в нескольких метрах от дверей аудитории. Я повернулась.

Она шла ко мне, но не одна. Я сразу поняла, что имела в виду Мирабель, когда рассказывала о том, что Алан нравится девушкам. Невозможно было не заметить его волнистые локоны цвета спелой пшеницы. Да, он был красив. Удивительное лицо: загорелое, узкое, с огромными бездонными голубыми глазами, выразительными изогнутыми губами, очер-

ченными странной, чуть презрительной усмешкой. Наверное, так выглядят эльфы из известных сказок. Алан подходил все ближе, и я все отчетливее замечала его хмурое, недоверчивое и недовольное лицо. Со стороны это выглядело даже комично, такая красота в совместительстве с нескрываемой подозрительностью.

– Привет, – произнесла я, когда они подошли ко мне.

– Привет, – произнесла Мирабель. Я сразу почувствовала, что она волнуется. – Знакомьтесь, Поли, Алан, – представила она нас друг другу.

– Я много о тебе слышала, – произнесла я и постаралась как можно приветливее улыбнуться.

– Я тоже о тебе слышал... но мне это пока ни о чем не говорит. – Его холодный тон не укрылся от моего внимания, а недовольный блик скользнул по изогнутым губам. Он казался каким-то нереальным. А глаза стали еще темнее.

Я моргнула, желая, чтобы это лицо изменилось, потому что была уверена, что Алан еще красивее, когда улыбается. Но ледяной взгляд никуда не исчез.

– Алан, поверь, она хорошая. – Мирабель дернула его за руку. Он взглянул на нее, и тут я увидела, как улыбка ожила на замороженных губах, согрела их, и жесткая линия губ смягчилась. Смотря на Мирабель, он преображался. Он ее любил и боялся причинить любую боль.

Теперь мне все стало ясно. Я попробовала закусить губу, но не удержалась и громко рассмеялась. Мирабель и Алан

изумленно на меня смотрели, не понимая, почему я смеюсь.

– Он просто боится, – сквозь смех произнесла я, – что твоя новая подружка на него набросится с признаниями в любви. Алан, могу тебя успокоить, ты не в моем вкусе. – И я захохотала еще больше, как только увидела, как его лицо вытягивается от удивления.

– Знаешь что, – произнес он, когда смог прийти в себя и заговорить, – ты тоже не в моем вкусе. – И вдруг тоже захохотал. К его смеху присоединилась Мирабель. Теперь мы хохотали втроем на весь коридор.

Чудеса иногда случаются. Мирабель и Алан не бросили меня одну, и в перерыве мы сидели на скамейке и со смехом вспоминали наше знакомство. Мы резко замолчали, когда случайно услышали разговор.

– Никогда не понимала их, третий год за ними наблюдаю. Она ему еще не надоела?

– Длинноногая красотка знает, чем привлечь.

Этот разговор я услышала от проходивших мимо девушек, смотревших куда-то в сторону.

– Может, пытаются что-то и кому-то доказать?

– А мне надоело смотреть на их выпендрож из года в год.

Я взглянула в том направлении, куда смотрели девушки с выражением кошек, увидевших глупых мышек. Алан и Мирабель тоже повернули головы.

По другой, параллельной нам, дороге шла пара. Оба высокие и статные. Он обнимал ее за талию и одновременно

держал за руку. Вроде не единственная пара в университете, но от них распространялась энергетика счастья и сил любви. Они никого не замечали, наслаждаясь друг другом. Похоже, меня эта пара только вдохновила, в отличие от тех девушек, которые, по-видимому, привыкли все обсуждать и осуждать.

– Кстати, я тоже уже который год наблюдаю за этой парой, – подчеркнуто сухо сказал Алан.

– Алан? – Я с недоумением посмотрела на него. – Не разочаровывай меня, как те девушки. – Я кивнула в сторону любительниц критики.

– А ты разве с ними не согласна? – спросил он меня.

– Нет, не согласна. Как грустно, что люди любят обсуждать внешность. Неужели внешность важнее человечности? Ведь отношения, радость, близость, понимание – это и есть та красота, которая проявляется в любви.

– Я рад слышать, что ты не собираешься критиковать ту пару. Теперь я точно вижу, что у нас с тобой много общего.

Я сощурила глаза, не зная как реагировать на его слова – плакать мне или смеяться.

– Я думаю, едва ли... – настороженно ответила я.

– Почему это? Вот сейчас ты встала на защиту премилой парочки, хотя могла бы остаться в стороне. Мы только познакомились, и ты могла бы поддержать меня, ну или сделать вид, что это не твое дело.

– Чепуха, Алан! – Я краем глаза глянула на изумленную Мирабель. – Нельзя оставаться в стороне, когда говорят

чушь о людях, с которыми даже не знакомы. И винить их во всех грехах только за то, что они наделены физической красотой. По-моему, если они уже несколько лет вместе, это же замечательно! Обидно, что люди ненавидят богатых, красивых и счастливых. Почему-то многие люди всегда ждут расставаний. А потом еще и злорадствуют со словами «я же говорила». Почему людям не нравится, когда двое любят друг друга? Зависть? Чувство неполноценности? Алан, – я развернула его и показала на пару, которая уже была довольно далеко, – ну посмотри, как они держатся за руки, как смотрят друг на друга. Это говорит о прекрасном чувстве, которое в них живет. Мне иногда страшно подумать, что только зависть живет в некоторых человеческих сердцах с рождения и до самой смерти. И больше там ничего... пусто...

– Знаешь, кто они? – спросил меня Алан, продолжая смотреть вслед паре.

– Вообще-то я в университете всего неделю. Конечно, не знаю и очень надеюсь, что в своих выводах я не ошиблась. Я вижу, что они любят друг друга. Наметанный глаз художника не обмануть. – Я продолжала настаивать на своей точке зрения.

– Это Шания, моя сестра, с Уолтером, – пробурчала Мирабель. – Я уже устала от ваших препирательств.

– Не могу поверить, что она твоя сестра... – запнулась я. – Вы совсем не похожи.

– Кстати, Шания с моим лучшим другом. – Увидев выра-

жение моего лица, Алан засмеялся. – И это не препирательства, а проверка на прочность. Мира, твоя новая подруга мне нравится, но все равно не в моем вкусе.

– Ты тоже не в моем вкусе! И это у нас обоюдно! – Я толкнула его кулаком в грудь, так он меня сейчас разозлил. Алан запрокинув голову, рассмеявшись во все горло.

С этого момента мы с Аланом стали друзьями, а со временем даже чем-то большим. Мне казалось, что он воспринимает меня младшей сестрой, которой у него никогда не было. Он очень ревниво относился к моим новым знакомым, а особенно оберегал от молодых людей. Из-за этого мы часто препирались, но было в этом что-то доброе и родное.

В тот день, как я увидела Шани и Уолтера, я вернулась домой, и моя рука сама потянулась к палитре. Я погрузилась в умиротворяющий спектр красок и оттенков. Проходившие перед моим мысленным взором сцены сегодняшнего дня ласкали сердце. В окружении тишины я начала творить. Передавать на холст свои впечатления, чувства и переживания.

Линии, цвета сменяли друг друга. Холст наполнялся мазками телесного цвета. Сплетенные руки. Взгляд. Умиротворенность и желание, открытое, явное, еще более реальное, чем нежное прикосновение сильных пальцев к ее коже. Так я начала создавать картину «Влюбленные». Картина еще не была закончена, но было понятно, кто на ней изображен. Это были Шания и Уолтер – желание и объятие, сплетенные в

одно целое.

Через два дня после той сцены я познакомилась с этой дивной парой. Шания совершенно не была похожа на свою младшую сестру. Она была высокого роста, с фигурой модели, утонченная, светская, очаровательная, непринужденная и элегантная. У нее были роскошные темно-каштановые волосы до плеч. В первый раз я ее видела с укладкой по последней моде. Сегодня ее волосы были собраны на макушке затейливым узлом. Я была уверена, что в университете многие пытались подражать Шани и пытались соорудить подобную прическу, но очень немногим это удалось бы. А у нее все выходило как будто само собой. Среди студенток Шания выглядела не просто чужой, а бесконечно далекой, словно прекрасная экзотическая птица, случайно залетевшая в курятник. Любая бы сказала, что ее место в модельном бизнесе, а не на медицинском отделении. Но самым красивым были ее глаза – огромные зеленые глаза. Я никогда бы не решила, что Мирабель и Шания сестры. Внешне они были совсем разные, но их объединяло одно – обе были очень счастливыми, одна с Уолтером, а другая с Аланом.

Когда я увидела их, идущих вместе с Аланом к нам с Мирабель, то колени задрожали, и я с замиранием сердца смотрела, как они приближаются с приветливыми улыбками на лицах. Стоило нам познакомиться, как ощущение страха прошло и мне показалось, что я знаю их давно, потому что они такими и были, как рассказывала мне Мирабель.

– Не бойся этого война, – начал приветственную речь Алан, – Уолтер добрый.

– Алан, прекрати, – Мирабель начала дергать его за руку, – она и так стесняется.

– Алан, что ты выставляешь меня пугалом. Я милых девушек не трогаю, – улыбнулся Уолтер и тихо добавил: – Не слушай его, а если будет обижать тебя, только скажи, я сверну его красивую голову. – Он галантно склонился в поклоне.

Уолтер понравился мне с первого взгляда. Крепко сложенная фигура, серьезные карие глаза. Я поняла, почему Алан с ним дружит долгие годы. Уолтер производил впечатление человека, который принадлежит к той редкой категории надежных, сильных, доброжелательных людей, на которых можно положиться в любой критической ситуации. Он не будет высмеивать, а поддержит несмотря ни на что.

– А он мне сто долларов проиграл! – призналась мне Мирабель.

– На что?

– На кого. – Уолтер изобразил страдальческое лицо. – На тебя. Что ты влюбишься в Алана.

– Что?! – воскликнула я и скривилась.

Уолтер, Мирабель и Алан засмеялись.

– Вот так мы и живем... – беззаботно сказала Шания. – С утра на кухне у нас постоянные споры о том, кто лучше да кого родители любят больше, и периодически случаются пари между Мирабель и Уолтером.

– А вы что, живете все вместе, в одном доме?! – потрясенно спросила я.

– У нас большой дом. Я, конечно, могла бы уйти жить к Уолтеру, все равно дом пустует, а его родителей не бывает, но за все эти годы мы никогда не расставались. Так свыклись всегда быть вместе вчетвером с первого класса, – начала пояснять мне Шания. – А потом создалась пара Алан плюс Мира, и уже Алан перебрался к нам.

– Ну да, – согласился Алан. – До этого я иногда ночевал у них.

Я поняла, что все они обеспеченные люди. И не только деньгами, но и жильем. Здесь это важно, и я понимала из рассказов Мирабель, почему молодым людям не давали проходу. Они были не только хороши внешне, но в свои годы уверенно стояли на ногах.

– А родители не были против? – снова спросила я.

– Нашим родителям спокойнее, если мы все вместе, – ответила мне Шания. – Большая часть их жизни проходит в больнице, а наш дом превратился в молодежное общежитие.

– Я бы умер от скуки, если бы однажды утром не увидел сонную, злую и голодную рожу Уолтера! – признался Алан.

– А я был бы счастлив хоть одно утро не видеть твоей заспанной рожи.

Теперь я понимала, почему они всегда вместе – они были одним целым, каждый из них дополнял другого. Для меня это было чем-то новым. Я была одна в семье – не бы-

ло сестры, не было брата, да и родители всегда были где-то на расстоянии. Мою жизнь окружала тишина, спокойствие и бабушка. Сейчас же рядом со мной существовала суета, небольшой смерч, но очень добрый. Конечно, оставались две лучшие подруги, но даже они уступали этой компании по энергетике.

– Эй! О чем задумалась? – Алан легонько дернул меня за волосы.

– Видишь, тебе нельзя общаться с этим садистом. – Уолтер погладил меня по голове. – К концу первого курса на твоей голове волос не останется.

Шания улыбнулась мне и пожала плечами.

– Привыкай. Теперь не только мне с Мирой, но и тебе терпеть их.

Ну что ж, меня явно приняли в эту компанию.

Глава 5

Может ли одно-единственное утро изменить всю жизнь? Я не знаю почему, но наступают такие моменты, которые меняют нашу жизнь полностью. Я называю это Судьбой.

Уже месяц, как я была в университете. Нас заваливали учебой, и постепенно лекции и практические занятия становились сложнее и сложнее для меня. Пришлось оставить друзей и засесть в библиотеке, набрать книг и учиться. Время от времени Мирабель присоединялась ко мне.

– Неужели ты смогла оставить Алана? – подначивая, спросила я, когда она впервые пошла со мной.

– Дилан – лучший студент на своем курсе. Я младшая сестренка, и мне хочется доказать, что я тоже что-то могу и достойна его. Причем сама, без их помощи.

– Добро пожаловать в библиотечную команду, – произнесла я и открыла дверь перед Мирабель.

Как-то вечером ко мне в комнату зашел отец.

– Полина, тебе придется пропустить три учебных дня в Стэнфорде.

– Это еще почему? – спросила я, оторвавшись от компьютера, за которым делала практическое задание.

– У твоего крестного презентация книги.

Мой крестный Виктор Аскочинский был известным кардиохирургом и самым близким другом отца. И, конечно, я

не могла не поехать, решив, что учебные дни наверстаю. Поэтому еще больше углубилась в учебу.

А еще через день позвонила Шания и пригласила к себе на день рождения. Сначала я обрадовалась, но, узнав, какого это будет числа, расстроилась.

– Извини, в это время я буду в Англии. Я не смогу прийти, – сказала я и пояснила причину.

– Может, мы уговорим твоих родителей, ты сможешь остаться у нас? – предложила Шания.

– Если бы это был незнакомый мне человек, я бы сама отказалась. Родители тут ни при чем. Но Виктор – мой крестный. Я не смогу, мне очень жаль... Но, обещаю, подарки я вам подарю. А вы не забудьте мне оставить кусочек торта.

– Торта точно не оставят, – засмеявшись, ответила Шания, – Дилан с Аланом все съедают.

Теперь для меня встал вопрос: что подарить Дилану? Для Шани у меня уже был подарок – картина «Влюбленные», но вот с Диланом я не была знакома. Пришлось подключить к этому делу Мирабель.

– Что мне подарить Дилану? – спросила я наутро.

– Ты вообще не обязана ему что-то дарить. К тому же на празднике тебя не будет.

– Нет, так не пойдет. Если они близнецы, то это уже пара. А пары разделять нельзя. – Я была категорически не согласна.

– Может, спросить у него? – предложила Мирабель.

Я задумалась, как бы все хорошо устроить.

– Спрашивать его мы не будем, чтобы не испортить сюрприза. Не каждый день исполняется двадцать четыре года. – И тут я остро поняла, что даже рада, что меня не будет на торжестве. С одной стороны, я хотела пойти, но не хотела ощущать себя лишней. Я не так долго знакома с ними. И если бы не моя поездка в Лондон, то я бы до последней минуты продолжала бы отказываться, пока Алан не притащил бы меня силой. Я даже представила эту сцену. – Что мне надо знать о Дилане?

Мирабель задумалась, а потом начала загибать пальцы:

– Он отличник и все свободное и несвободное время проводит в учебе. Любимец нашей мамы, у него девушка, кстати, тоже со школы. Но он ей без проблем изменит с книгой, – хихикнула Мирабель. – Он любит читать.

– Книга! Я подарю ему книгу, и даже знаю, какую книгу и какого автора! – воскликнула я.

За день до моего отъезда все пошло не так. Будильник оказался поставлен не на то время. Я с трудом разлепила глаза и увидела – 5:55. Нажав кнопку, снова забралась под одеяло, но какая-то другая моя часть отчаянно стучалась в мозг с воплями, что пора вставать. Зевая, я сбросила одеяло. Папа в этот день взял выходной из-за предстоящей поездки. Увидев, что я собираюсь в университет, предложил меня подвезти.

– Давай быстрее, – поторапливал он меня.

– Хорошо-хорошо, – согласно кивала я, дожидаясь, пока

кофемашина выжмет мне кофе. По дороге я окончательно проснулась и уже радовалась новому дню, а в Стэнфорд приехала раньше, чем нужно. Я шла по университетской площади, направляясь к дверям, когда почувствовала ЭТО и резко остановилась. Горячая, но необыкновенно приятная волна накатила на меня. Это не был поток горячего воздуха, это было изнутри, но в ответ на что-то извне. Меня пробрала дрожь. Появилось ощущение, что меня кто-то погладил, начиная с головы, потом по волосам и спине. Это повторилось еще раз. Я падала в бездну с головокружительной высоты. Именно так разбиваются насмерть. Разбилась бы я или нет – не знаю, но именно в этот момент я обернулась, и в меня врезался молодой человек. Я даже не поняла, как он оказался так близко.

– Привет! Меня зовут Брайс! Давно тебя увидел, но ты никогда не бываешь одна, всегда с тобой твои друзья. Сегодня мне повезло.

– Привет, – вяло произнесла я. Мое взбесившееся сердце подскочило чуть ли не до головы, готовое трусливо сбежать от чувств, которые я переживала. Я, не стесняясь, всматривалась в его лицо, пытаюсь определить, от него ли шел тот поток энергии, который так на меня подействовал.

Он же вопросительно смотрел на меня.

– А дальше? – спросил он.

– А! Ну да! Я Полина, можно Поли.

– Может, пообедаем как-нибудь? – предложил он.

– Давай, – улыбнулась я. Мне он нравился. Открытый, симпатичный, а еще это чувство горячей волны странно на меня действовало.

– Как насчет этих выходных?

– Извини, я улетаю завтра. И меня на выходных не будет. Давай отложим на потом, когда я вернусь.

– Хорошо, договорились.

Мы выпили кофе и стали собираться, когда поток студентов увеличился. Много говорили об учебе. Брайс учился на третьем курсе медицинского и рассказывал о том, что ждет меня на старших курсах. Когда по дороге к аудитории он начал рассказывать о себе, нас нагнали Мирабель и Алан. Взглянув на Алана, я сразу поняла, что он снова недоволен моим новым знакомым.

– Брайс, Мира, Алан, – поочередно представила я всех.

– Очень приятно! – Вот Мирабель вся сияла и с лукавством в глазах поглядывала то на меня, то на Брайса.

– До встречи! – сказал мне Брайс, кивнув остальным.

– Кто этот тип? И что ему нужно от тебя? – накинулся на меня Алан, как только Брайс оказался достаточно далеко.

– Поли! – завизжала Мирабель, проигнорировав вопросы Алана. – Брайс – красивый парень, он давно тебе улыбается. Давай, расскажи мне все!

– Что она должна тебе рассказать? – продолжал сердиться Алан. – Что-то последнее время в нашем университете собралось слишком много красавцев и красавиц. Куда ни

глянь, одни красавцы.

Я абсолютно не реагировала ни на Мирабель, ни на Алана, потому что все еще находилась под впечатлением не столько от нового знакомства, сколько из-за странной волны.

– Так что он хотел? – требовательно спросил меня Алан.

– Он пригласил меня пообедать с ним, – я продолжала счастливо улыбаться.

– Никуда ты не пойдешь, пока мы не узнаем, кто он такой! – на полном серьезе произнес Алан.

– Алан, что за глупости! – Мирабель дернула его за руку. – Что значит она не пойдет? Имеет полное право. – Она снова повернулась ко мне. – Он тебе понравился?

– Я даже не знаю... – честно призналась я. – Я шла, а потом почувствовала это. Потом он появился... – невразумительно начала я свой рассказ, замахав руками и пытаясь передать то, что почувствовала, и то, что еще пело во мне до сих пор.

– Что за «это»? – опять влез Алан. – Я ничего не понял!

– Иди уже! Иди! Сами разберемся! – Мирабель развернула Алана на сто восемьдесят градусов и подтолкнула в спину.

– Ведите себя хорошо, – обернувшись, попросил он.

– Обещаем! – в унисон выкрикнули мы.

– Ну? – нетерпеливо спросила Мирабель, как только Алан скрылся.

– Да нечего рассказывать, – я пожалала плечами, – подошел ко мне и сразу признался, что давно хочет познакомиться-

ся. Вот и все. Но знаешь, что самое интересное, – я сделала паузу, подбирая нужные слова, – я почувствовала его, чувствовала его приближение ко мне. Как током ударило. Такое необыкновенное ощущение. Тепло, горячо, нежно. Никакого страха и много счастья и бабочек во всем организме. Мира, неужели можно влюбиться с первого взгляда?

– Еще как можно! Это я тебе говорю! – вразумляла меня Мирабель, и я засмеялась. – Он чертовски хорош, – продолжила она, закатив глаза.

– Но Алан не очень рад... – растеряно произнесла я и вздохнула.

– И что тебе Алан? – Она взяла меня под руку и повела в направлении аудитории. – Ты думаешь, Уолтер сразу принял и поверил в искренность чувств Алана ко мне? А он его друг, которого он знал много лет. Мужчины – они такие. Алан переживает за тебя. Ты же сама слышала, как он называет тебя сестричкой. Вот поэтому так себя и ведет. Изображает старшего брата.

Из-за этого странного происшествия учеба вылетела у меня из головы. Я постоянно думала о Брайсе и странной горячей волне. Встречаться с Аланом тоже не хотелось, и я сбежала в перерыве от него и всех остальных в библиотеку. Взяв книгу, я тупо смотрела в нее, а в голове вертелись утренние воспоминания. Самое интересное, что мои чувства разделились. Одна часть мечтала о повторе волны, а другая – снова увидеть Брайса. Немного подумав, я пришла к выводу, что

горячая волна победила и заняла призовое место в моей душе.

После занятий Мирабель отвезла меня домой, где я передала подарки для Дилана и Шани.

– Я буду скучать, – призналась она, и мы обнялись.

Когда подруга уехала домой, я поняла, что совсем не хочу никуда лететь. Особенно сейчас, когда почувствовала, что влюбилась. Мы многого желаем, но у каждого есть свои определенные обязанности перед кем-то. Поэтому рано утром я улетела с родителями. После солнечной Калифорнии Лондон показался мне холодным и мрачным. Одиночество снова накатило. Хотелось к своим друзьям, а еще увидеться с Брайсом и почувствовать то волшебное состояние, которое сохранилось только в памяти. Сейчас тело молчало, как будто все произошедшее было лишь плодом моего воображения. Я с облегчением попрощалась со своим крестным и почувствовала себя предательницей по отношению к нему, но ничего не могла с собой поделать, невиданная доселе сила тянула меня обратно назад. Мы прилетели глубокой ночью, спала я всего несколько часов, но проснулась все равно рано – неизвестная сила гнала меня в университет.

Я стояла у зеркала и расчесывала свои длинные волосы. Смотря на свое отражение, видела овальное лицо с вздернутым носом, россыпью веснушек, пухлыми губами и серо-зелеными глазами. Я собрала волосы в хвост, чтобы выбивающиеся локоны не мешали мне на занятиях.

– Мы все скучали по тебе, – затараторила Мирабель сразу после наших воплей приветствий. – У нас совпадает перерыв, и мы договорились встретиться после лекции. Шания в восторге от твоего подарка. И больше ты никуда не поедешь!

Как оказалось, Алан заметил нас в толпе намного раньше и спрятался за поворотом. Когда он выскочил нам наперерез, чтобы напугать, мы с криками бросились ему на шею. Он подхватил нас обеих, крепко прижав к себе. Стоило Алану поцеловать меня в щеку, как я снова почувствовала ЭТО. Потрясение было слишком велико. Если бы Алан не держал меня, я бы упала. Задержав дыхание, я посмотрела на Алана, а он удивленно на меня.

– Я очень рад тебя видеть! Ты в порядке?

– Вроде бы... – промямлила я.

Волна продолжала омыwać меня, я с трудом оторвала взгляд от Алана, мягко высвободилась из его объятий и повернулась к Шани и Уолтеру.

Глава 6

Женская интуиция – это состояние ума. Человечество исследовало тело, знает анатомию, но по-прежнему не исследует душу. А ведь путь интуиции – один из главных в науке. Если соединить математику с логикой и интуицией, то можно увидеть вещи, скрытые от нас.

Конни и Кевин Реймонды познакомились в университете на первом курсе. Существует ли любовь с первого взгляда? Видимо, существует. Рецепт прост и сложен, а составляет этот рецепт повариха с именем Судьба. Нужно всего лишь в определенное время в определенном месте пересечься взглядами, и сразу влюбляешься. Если время не совпало, взгляды не встретились или место оказалось не тем, значит, повариха забыла или пропустила ингредиент под названием Удача, и тогда некоторые так и не узнают любовь с первого взгляда. Вместо пирожков с любовью на всю жизнь у них будут подгоревшие пирожки с сексом на одну ночь и одиночество на много лет. Потому что любовь с первого взгляда – очень редкая удача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.